

Джоанна КЭННОН

Джоанна КЭННОН



СРЕДИ
ОВЕЦ И КОЗЛИЩ



Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
К98

Серия «Свет в океане»

Joanna Cannon
THE TROUBLE WITH GOATS AND SHEEP

Перевод с английского *Н.В. Рейн*
Компьютерный дизайн *В.А. Воронина*
В оформлении обложки использована фотография,
предоставленная фотоагентством ООО «Галло Имиджес РУС»
(Gettyimages.ru)

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Conville & Walsh Ltd. и Synopsis

Кэннон, Джоанна.

К98 Среди овец и козлиц : [роман] / Джоанна Кэннон ;
[пер. с англ. Н. В. Рейн]. — Москва : Издательство АСТ,
2017. — 352 с. — (Свет в океане).

ISBN 978-5-17-096185-6

Жаркое лето 1976 года. Тихая улица маленького английского городка, где все друг друга знают. Внезапно размеренную жизнь нарушает шокирующее событие — одна из жительниц, миссис Кризи, пропадает... Полиция оказывается бессильна, и две десятилетние подружки, Грейс и Тилли, решают, что только они могут найти исчезнувшую, ведь у них есть отличный план. Они слышали слова местного священника, что если среди нас есть Бог, то никто не будет потерян, а значит, надо всего лишь пройти по всем домам и выяснить, в каком именно живет Бог. И тогда миссис Кризи точно вернется. Так начинается их путешествие в мир взрослых... Оказывается, что не все так просто на этой залитой солнцем улице. За высокими заборами, закрытыми дверями и задернутыми шторами хранятся свои секреты. И где-то там, среди этих пересекающихся историй местных жителей, скрывается общая тайна, которую все они хотят забыть...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Joanna Cannon, 2016

© Перевод. Н.В. Рейн, 2017

ISBN 978-5-17-096185-6

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Посвящается Артуру и Дженис

Дом номер четыре, Авеню

21 июня 1976 года

МИССИС КРИЗИ исчезла в понедельник.

Я точно помню, что это был понедельник, поскольку именно в тот день приезжали мусорщики и по всей улице распространилась вонь пищевых отходов.

— Чего это он там затеял? — Отец отодвинул шторку на кухонном окне и кивком указал на мистера Кризи, бродившего по тротуару в рубашке с короткими рукавами. Тот что-то высматривал, но каждые несколько минут останавливался, тщательно изучал свой «Хиллман-хантер»* и крутил головой, словно принимался к чему-то и прислушивался.

— Не иначе жену потерял, — заметила я и, воспользовавшись тем, что все отвлеклись, схватила еще один ломтик тоста. — Хотя есть подозрение, что она смылась от него окончательно.

— Грейс Элизабет! — укоризненно воскликнула мама. И так резко отвернулась от плиты, что хлопья овсянки разлетелись по полу.

— Я всего-то и делаю, что повторяю слова мистера Форбса, — сказала я. — Маргарет Кризи не вернулась домой вчера вечером. Мне кажется, она окончательно отвалила.

И мы продолжили наблюдать за мистером Кризи. А он заглядывал в садики к соседям, словно миссис Кризи могла разбить палаточный лагерь где-нибудь в цветнике на чужой территории.

* «Хиллман-хантер» — популярная в 70-е гг. XX в. модель английского автомобиля. — *Здесь и далее примеч. пер.*

В конце концов отец потерял всякий интерес к этому занятию и, уткнувшись в газету, пробурчал:

— А ты слушаешь все, что болтают соседи?

— Мистер Форбс был в саду и говорил со своей женой. А у меня окно было открыто. Так что я случайно услышала, а не подслушала. — Говорила я все это отцу, но обращалась к Гарольду Уилсону* и его трубке, которые взирали на меня с первой полосы газеты.

— Он не найдет женщину, расхаживая туда-сюда по улице, — заметил отец. — Хотя я на его месте попробовал бы заглянуть в дом номер двенадцать.

Я заметила, что мама с трудом сдерживает улыбку. Видно, родители полагали, что смысл этой реплики мне не ясен. Что ж, пусть и дальше так считают, мне же лучше. Мама говорила, что я вступила в трудный возраст. Лично я никаких таких особенных трудностей не испытывала, а потому решила, что трудности возникли у них.

— Может, ее похитили, — заметила я. — Может, мне вообще небезопасно идти сегодня в школу.

— Абсолютно безопасно, — сказала мама. — Ничего страшного с тобой не случится. Я этого не допущу.

— Но разве может человек просто так исчезнуть? — Я продолжала наблюдать за мистером Кризи, расхаживающим туда-обратно по улице. Бродил он сгорбившись, опустив плечи и уставившись на носки своих ботинок.

— Иногда людям требуется собственное пространство. — Теперь мама обращалась к плите. — Вот они и сбиваются с пути.

— Маргарет Кризи точно сбилась. — Отец перешел к спортивному разделу и зашуршал страницами, расправляя их. — Она задавала слишком много вопросов. Приставала, разглагольствовала на разные темы. Спасу от нее не было.

— Просто ей были интересны люди, Дерек. Женщина может чувствовать себя одинокой, даже если она замужем. К тому же у них не было детей.

* Гарольд Уилсон (1916–1995) — политик-лейборист. Лидер партии с 1963 г., премьер-министр Великобритании.

Тут мама взглянула на меня, точно прикидывая, имеет ли это хоть какое-то значение, а затем вывалила овсянку в большую миску с пурпурными сердечками на ободке.

— Почему вы говорите о миссис Кризи в прошедшем времени? — спросила я. — Разве она умерла?

— Нет, конечно же, нет. — Мама поставила миску на пол. — Ремингтон! — окликнула она. — Мамочка приготовила тебе завтрак.

Ремингтон, шлепая лапами, вошел в кухню. Некогда он был лабрадором, но так разжирел, что теперь трудно было сказать, какой породы этот пес.

— Ничего, скоро объявится, — заметил отец.

То же самое он говорил и о соседском коте по имени Виски. Кот исчез несколько лет назад, и никто никогда его больше не видел.

Тилли поджидала меня у ворот. На ней был свитер, растянувшийся от ручных стирок, теперь он доходил ей до колен. Тилли сняла резинки с волос, но они торчали так, словно резинки еще были на ней.

— Женщину из дома восемь убили, — сообщила я.

В полном молчании мы шагали по улице. Двигались бок о бок, хотя Тилли приходилось чаще переставлять ноги, чтобы не отстать.

— А кто живет в доме восемь? — спросила она, когда мы остановились на красный свет.

— Миссис Кризи.

Я произнесла это шепотом — на тот случай, если мистер Кризи вдруг расширил круг поисков.

— Мне нравилась миссис Кризи. Она учила меня вязать. Нам ведь она нравилась, правда, Грейс?

— О, да, — ответила я. — Очень даже нравилась.

Мы перешли дорогу напротив магазина «Вулворт». Еще не было девяти, но пыльные тротуары уже раскалились от жары, и я чувствовала, как ткань одежды липнет к спине. Люди в автомобилях опустили стекла, обрывки мелодий разлетались по

улице. Когда Тилли остановилась перевесить рюкзак на другое плечо, я взглянула на витрину магазина. Она была забита сковородками и кастрюлями из нержавеющей стали.

— А кто ее убил? — Вот уже в сотый раз Тилли задавала мне вопрос именно у этой витрины.

— Никто не знает.

— Ну, а что же полиция?

Я видела среди сковородок и кастрюль отражение лица Тилли.

— Думаю, копы присоединятся к расследованию позже, — ответила я. — Ведь у полиции полно других дел.

Мы поднимались по булыжной мостовой в сандалиях, оскальзываясь на камнях. Звук при этом был такой, точно проходила целая армия. Зимой, когда дорожку покрывал лед, мы цеплялись за перила и друг за друга, но сегодня аллея простиралась перед нами точно русло реки, забитое хрустящими пакетами, высушенными водорослями и мельчайшей пылью, от которой ноги тотчас становились грязными.

— Зачем ты свитер надела? — спросила я.

Тилли всегда носила свитер. Даже в самую жуткую жару она натягивала рукава до кончиков пальцев, делая из них подобие перчаток. Лицо у нее было блее лепестков магнолии, как стены у нас в гостиной, и от пота на лбу каштановые волосы завивались мелкими кудряшками.

— Мама говорит, в свитере лучше, чтоб не подцепить какой заразы.

— Когда твоя мама перестанет тревожиться по пустякам? — Это почему-то всегда меня сердило, сама не знаю почему. И на этот раз рассердило еще больше, даже сандалии громче застучали по булыжнику.

— Сомневаюсь, что когда-нибудь перестанет, — ответила Тилли. — Думаю, потому, что у нее только один повод — это я. И она тревожится вдвое больше, чтобы как-то смириться со всем остальным.

— Это никуда не годится, — заметила я. Остановилась и стащила рюкзак с ее плеча. — Можешь снять свой свитер. Ничего страшного.

Она уставилась на меня. Прочсть мысли Тилли всегда было трудно. Глаза скрыты за толстыми стеклами очков в темной оправе, а выражение лица не выдает ровным счетом ничего.

— Ладно, — пробормотала она и сняла очки. Потом стащила через голову свитер, и, когда вынырнула из шерстяной ткани, лицо ее было покрыто красными пятнами. Она протянула мне свитер, я сложила его самым аккуратным образом, как делает моя мама, и перекинула через руку.

— Видишь, — сказала я, — ничего страшного не произошло. И ничего с тобой не случится. Я этого не допущу.

От свитера пахло микстурой от кашля и каким-то незнакомым мылом. Я дотащила его до школы, где мы влились в толпу других ребят.

Я знала Тилли Альберт ровно пятую часть своей жизни.

Привезли ее два лета назад, в кузове белого фургона, откуда и выгрузили вместе с сервантом и тремя большими креслами. Я наблюдала за этой сценой из окна кухни миссис Мортон, поедая булочку с сыром и прислушиваясь к прогнозу погоды для Норфолк-Бродс. Нет, мы не жили в Норфолк-Бродс, но миссис Мортон побывала там в отпуске, и ей до сих пор хотелось оставаться в курсе событий.

Миссис Мортон сидела рядом со мной.

«Посидишь с Грейс, пока я немного прилягу?» Так говорила моя мама, хотя миссис Мортон практически никогда не сидела — то вытирала пыль, то что-то пекла и не забывала при этом поглядывать в окна. В 1974 году мама то и дело норовила «прилечь», ну, и я довольно много времени проводила с миссис Мортон.

Я уставилась на белый фургон.

— Кто же это такие, интересно? — спросила я с набитым ртом.

Миссис Мортон дернула кружевную занавеску, свисавшую до середины окна с проволоки. Она раздвинулась в середине с явной неохотой — уж слишком часто ее отодвигали.

— Новые соседи прибыли, — ответила она.

— А кто они?

— Откуда мне знать. — Она еще шире раздвинула занавески. — Но мужчины я не вижу. А ты?

Я присмотрелась. Там были двое мужчин, но одеты оба были в рабочие комбинезоны и занимались делом. Девочка, которая появилась из кузова, продолжала стоять на тротуаре. Маленькая, кругленькая и очень бледная, она была похожа издали на большой белый камешек и одета в дождевик, застегнутый до самого подбородка, хотя никакого дождя не было вот уже недели три. Она морщилась, точно вот-вот собиралась заплакать. А затем вдруг ее повело вперед и вырвало прямо на туфли.

— Гадость какая, — пробормотала я и взяла еще одну булочку с сыром.

В четыре часа Тилли сидела рядом со мной за кухонным столом.

Я притащила ее в дом, потому что она сидела на ограде напротив своего дома и была там явно не к месту. Миссис Мортон заварила чай с лопухами и одуванчиками, достала новый пакетик шоколадных печений «Пингвинс». Тогда я не знала, что Тилли не любит есть на глазах у других людей. Она так и сидела со своим шоколадным печеньем, крепко сжимая его в руке, пока подтаявший шоколад не начал просачиваться сквозь пальцы.

Миссис Мортон поплевала на салфетку и вытерла руки Тилли, хотя буквально в трех футах находился водопроводный кран. Тилли закусилась нижней губой и отвернулась к окну.

— Ты кого там высматриваешь? — спросила я.

— Маму. — Тилли подняла глаза на миссис Мортон, которая снова принялась плевать на салфетку. — Хочу убедиться, что она не подсматривает.

— А папу не высматриваешь? — спросила миссис Мортон, явно страдающая любопытством.

— Просто не знаю, где его высматривать, — ответила Тилли и украдкой вытерла руки о юбку. — Вроде бы он живет в Бристоле.

— В Бристоле? — Миссис Мортон засунула салфетку в рукав кардигана. — А у меня в Бристоле живет кузина!

— Вообще-то, может, и в Борнмуте, — добавила Тилли.

— Вон оно как. — Миссис Мортон озабоченно нахмурилась. — А вот там у меня вроде бы никого нет.

— Нет, — эхом повторила Тилли. — И у меня тоже нет.

Летние каникулы мы с Тилли проводили за кухонным столом в доме у миссис Мортон. Через некоторое время Тилли настолько освоилась, что начала есть вместе с нами. Не спеша заталкивала в рот картофельное пюре, потом мы с ней воровали горох в саду и поедали его, выдавливая из стручков, устроившись в гостиной на ковре, застеленном газетами.

— Может, хотите «Пингвинс» или батончик? — Миссис Мортон вечно пыталась впихнуть в нас шоколад. В кладовой у нее стояла жестяная банка, полная сладостей, а своих детей не было. Кладовая напоминала извилистую пещеру, полки ломились от тяжести банок со сладким заварным кремом домашнего приготовления и коробок со сливочными и шоколадными помадками; и в самых диких своих фантазиях я воображала, что меня заперли в этой пещере на ночь и силой закармливают до смерти восхитительными вкусностями.

— Нет, спасибо, — еле раскрывая рот, пролепетала Тилли, точно боялась, что стоит зазеваться — и миссис Мортон непременно впихнет ей что-нибудь сладкое. — Мама говорит, мне шоколада нельзя.

— Но ведь должен же этот ребенок что-то есть, — проворчала миссис Мортон чуть позже, когда Тилли скрылась за входной дверью. — Толстушка, не девочка, а маленькая бочка.

Во вторник миссис Кризи по-прежнему отсутствовала и в среду тоже не появилась, хотя в тот день должна была продавать лотерейные билеты в пользу «Британского легиона». К четвергу ее имя вырвалось за пределы садовых оград и упоминалось уже в очередях к магазинным прилавкам.

«Ну а что там слышно о Маргарет Кризи?» — спрашивал кто-то. И эта вроде бы невинная фраза выстреливала, точно стартовый пистолет.

Мой папа проводил большую часть дня на работе. Офис располагался на другом конце города, и, вернувшись домой вечером, отец разговаривал с нами. И каждый вечер мама спрашивала его, нет ли каких известий о миссис Кризи. И каждый вечер в ответ на это он тяжело вздыхал, качал головой, а затем садился в кресло под торшером в компании с бокалом светлого эля и Кеннетом Кенделом*.

В субботу утром мы с Тилли сидели на кирпичной стене у нашего дома, болтали ногами, точно маятники, и не сводили глаз с дома супругов Кризи. Передняя дверь там была распахнута настежь, все окна открыты — словно для того, чтоб миссис Кризи было легче вернуться, найти дорогу назад. Мистер Кризи был в гараже, доставал по одной картонные коробки, высившиеся там башнями, и копался в каждой.

— Думаешь, это он ее убил? — спросила Тилли.

— Думаю, да, — ответила я.

А затем выдержала многозначительную паузу, прежде чем выдать последнюю оглушительную новость:

— Она исчезла даже без обуви!

Тилли вытаращила глаза, как рыба пикша.

— Откуда ты знаешь?

— Женщина с почтамта сказала моей маме.

— Но твоей маме никогда не нравилась эта тетка с почтамта.

— А теперь нравится, — заявила я.

Мистер Кризи принялся за очередную коробку. Движения его становились все более хаотичными и нетерпеливыми, он вываливал содержимое и что-то бормотал.

— Не больно-то он похож на убийцу, — заметила Тилли.

— А как именно выглядят убийцы?

* Кеннет Кендел (1924–2012) — британский радиоведущий, около 25 лет проработал на Би-би-си.

— Ну, обычно они носят усы, — сообщила Тилли, — и гораздо толще мистера Кризи.

Запах раскаленного асфальта бил в ноздри. Я подтянула ноги и прижала к теплым кирпичам. Некуда было скрыться от жары. Она настойчиво врывалась каждый день, с самого утра, стоило только проснуться, и зависала в воздухе, как незаконченная фраза в споре. Она выдавливала людей с тротуаров и внутренних двориков; и вот, будучи больше не в силах вынести соседство раскаленного камня и бетона, от которых, казалось, тело начинало таять и плавиться, мы спрыгнули со стены, спасая свои жизни. Трапезы, разговоры и дискуссии обрывались на середине, довести их до конца можно было только на улице. Даже сама наша улица изменилась. На лужайках с пожелтевшей травой открылись огромные проплешины, земля на тропинках выглядела какой-то слишком мягкой. Предметы, бывшие прежде твердыми, стали теперь слишком шаткими и податливыми. Не осталось ничего прочного, надежного. Слово скрепы, до сих пор связывавшие предметы, разрушились под действием этой температуры — так говорил отец, — но на самом деле все выглядело еще более зловеще. Возникало ощущение, будто вся наша улица куда-то сдвигается и растягивается, словно пытается удрать от самой себя.

У лица Тилли летал толстый слепень, выписывая восьмерки.

— Моя мама говорит, что миссис Кризи сбежала из-за жары. — Тилли отмахнулась от назойливого насекомого ладошкой.

— Моя мама говорит, жара порой заставляет людей совершать самые странные поступки.

Я продолжала наблюдать за мистером Кризи. Все коробки он перебрал и теперь сидел на корточках в гараже, сидел неподвижно и молча в окружении мусора из прошлой жизни.

— Наверное, она права, — кивнула я.

— Мама говорит, что очень нужен дождь.

— И тут тоже, думаю, она права.

Я посмотрела на небо, которое, как океан, раскинулось над нашими головами. Дождя, похоже, не будет еще дней пятьдесят шесть.